

«толерантном обществе» и его главным враге — тоталитаризме, понимаемом как любое подавление инаковости, в частности, как подавление персональной идентичности, не совпадающей с «объективной правильностью».

Однако наличие противника, тождественное как протестному поведению персонажей, так и похожей на хеппенинг форме этого протеста, говорит о пограничном характере фильма Формана: «толерантность» в нем была одним из проводников, ведущих вместе с постструктурализмом и постмодернизмом молодежный бунтарский «жизненный мир» туда, где он стал «жизненным миром» *бывших* бунтарей-шестидесятников. Персонификация идентичности, выражавшаяся в этом новом «жизненном мире», в частности в распаде единой «объективной» структуры социальных ролей человека на многие не зависящие друг от друга концепты, означала превращение социума, больше не разделенного на причастную истинному существованию элиту и отлученные от него «массы», в «гомогенное» сосуществование инаковостей. Начавшийся в послевоенные годы процесс постепенного расширения круга «других» друг для друга в конечном итоге привел к исчезновению *внутри самого западного общества* тех их оппонентов, которые объективировали в своем бессознательном себя и других, объективируя социум.

А. Ю. Зенкова

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

«ДРУГОЙ» В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ГРАНИЦЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Социальный мир современности, характеризующийся быстрой изменчивостью и фрагментацией, многомерностью социальных явлений и событий, появлением новых принципов организации сообществ с иными способами формирования социальных связей, с необходимостью не только привлекает к себе внимание многочисленных исследователей, но и ставит перед

ними задачи пересмотра методологических оснований подходов, разрабатываемых в рамках социальных и гуманитарных наук. Возникают явления, которые плохо поддаются рассмотрению исходя из перспектив классической парадигмы. В этом смысле явления и события, которые относят к разряду глобальных, не составляют исключения. При этом нельзя сказать, что процессам глобализации уделяется мало внимания как со стороны ученых, так и со стороны общественного мнения, скорее, наоборот. В конце 1940-х гг., во время послевоенного поиска новой утопии, поэт У. Х. Оден мечтал об «идеальном открытом обществе, которому будут неведомы физические, экономические и культурные границы». В социальном аспекте глобализация понималась как форма интеграции, не знающая государственных границ, стремящаяся к созданию глобальной целостности. Позже возникает определение глобальной среды, в которой действуют определенные агенты. Представителями Римского клуба, начиная с 1968 г., регулярно формируются прогнозы развития и анализируются проблемы, с которыми человечеству приходится сталкиваться сегодня и придется столкнуться в недалеком будущем. Тема глобализации, усиленно подогреваемая действиями антиглобалистов, постоянно освещается средствами массовой информации. Глобальное пространство — это поле практических действий для политиков и бизнесменов.

Однако, как правило, в основе различных концептуальных представлений о глобализации находится схема отношений в виде бинарных оппозиций. Несколько упрощенная модель двух противоположных подходов выглядит таким образом: глобализация либо мыслится как угроза со стороны западного, или еще более узко — американского, мира многообразию культур либо понимается с позиций «общечеловеческих ценностей». Попытки совместить концепции глобализма с мультикультурализмом, как правило, приводят к фиксации конфликта между двумя сценариями социального процесса, т. е. эти попытки опять не выходят за рамки дихотомических отношений. При такой постановке вопроса не проясненным остается способ бытия глобального социального пространства самого по себе, его специфики и собственных пределов. В связи с этим цель данной работы заключается в поиске возможностей для подоб-

ного прояснения. Во-первых, мы начнем с терминологического прояснения, а именно с критики понимания термина глобализации как всеохватности, а также критики представлений о возможности понимать глобальные интенции как стремление к установлению однородного социального пространства, потом перейдем к критике противопоставления таких понятий, как «глобальное» и «локальное». Во-вторых, мы предпримем попытку осмысления процессуальности бытия тех социальных явлений, которые существуют как «глобальные». В-третьих, так как в связи с возможностью сосуществования множества различных культур в глобалистской перспективе ранее уже ставился вопрос о толерантности, но толерантность понималась как нахождение общего, мы подойдем к проблематизации «глобального» как Другого по отношению к способам бытия, понимаемым как традиционно «локальные», или «местные», с учетом критики терминологического противопоставления этих понятий, а также рассмотрим перспективу постановки вопроса о различных моделях толерантности исходя из способов отношений этих пространств.

Сам термин «глобализация» претендует на некую всеохватность социального мира в целом. Однако сегодня уже не нужно доказывать тот факт, что не может существовать единой, универсальной схемы, способной охватить все, любое подобное описание будет условным. И в таком случае вряд ли возможно объявить идею глобализации всего лишь экспансией одной определенной стороны с целью поглотить все многообразие и создать некое гомогенное социальное пространство, из какого бы центра ни исходила подобная инициатива. Это не просто невозможно, но и экономически невыгодно. Глобальная гомогенная среда, создавая возможности «заявить о себе», не создает возможности для того, чтобы быть услышанным. Для того чтобы какое-либо событие стало событием глобального масштаба, оно должно с одной стороны резонировать с «глобальной средой», а с другой — отличаться от всех остальных, рядовых происшествий. Его значимость должна быть иной. «Эффект» такого события превращается в «эффективность» стратегии. Следовательно, процесс, называемый глобализацией, движем чем-то иным, а не волей к обезличиванию. И методологически схема захвата, поглощения и замещения

многих культур одной не способна прояснить ни цели, ни способы воплощения «глобальных» сил.

Возникает вопрос, возможно ли сами явления, которые относят к разряду «фактов» глобального пространства, охватить как нечто целостное? Целостность необозрима с какой-либо единственной выбранной точки. Единство возможно лишь в различных способах быть и твориться. Следовательно, у мира не одна целостность. Их много и их ничего не объемлет. При данном подходе понятия «глобальность» и «локальность» не противоречат друг другу, так как процессы глобализации организуют локальные пространства иного, нового порядка, по-своему фрагментируя мир. Таким образом, можно говорить не об одном глобальном пространстве, а о различных локальных пространствах, способ бытия которых отличается от традиционных прежде всего своей интенцией. И вопрос будет состоять в том, чтобы выявить специфику этой интенции. Во избежание терминологической неясности, в рамках данной работы мы будем использовать термин «глобальное» без значения какой бы то ни было всеохватности, а лишь подчеркивая отличие способа социальных связей по отношению к традиционно понимаемым локальным или местным пространствам.

Исторически инициаторами создания подобных новых локальных пространств являются страны «золотого миллиарда». Это обусловлено многими причинами, в том числе ориентацией на существующие технологии продвижения товара, которые не характерны для стран с традиционной, «вещной», экономикой. Однако нельзя, по-видимому, утверждать, что источники новых маркетинговых технологий в состоянии установить «новый порядок вещей» во всем мире. И секрет здесь, возможно, кроется в сомнительной «вещности» самих технологий, скорее они будут появляться как определенные эффекты нового способа социального бытия. И возникает вопрос, могут ли сосуществовать и, если могут, каким образом сосуществуют пространства тех культур, которые принято называть «традиционными» или «локальными», и тех, которые относят к области «глобальных»? Прежде чем высказать какие-либо предположения относительно возможных способов сосуществования, мне хотелось бы обратиться к двум работам, представляющим результаты эмпирических исследований

организаций, деятельность которых осуществляется в глобальном пространстве.

Во-первых, сошлюсь на исследования Нэнси Адлер¹, посвященные проблемам менеджмента, связанного с различными формами кросскультурных взаимодействий. Множество различий в поведенческих приемах в ходе переговоров, таких как обещания, угрозы, предостережения, вознаграждения, уступки и т. п., указывает на различные системы интерпретации и оценки ситуации. И это не просто внешние отличия. Исследователь выделяет две точки зрения в рассмотрении проблемы потери эффективности менеджмента в транснациональных компаниях. Одни авторы утверждают, что в мире происходит конвергенция менеджеров, в результате которой их поведение становится более однообразным, другие настаивают на существовании обратного процесса, получившего название дивергенции. Исследования самой Адлер подтверждают вторую точку зрения. Традиционные культуры никуда не исчезают. Но в наши дни речь идет не о доминировании какой-либо национальной культуры в штаб-квартирах компаний или конкретной культуры на каждой отдельно взятой территории. Это значит, считает Адлер, что любой человек, оказавшись в Риме, должен вести себя не как настоящий римлянин, а как эффективно действующий иностранец. Вероятно, этот «эффективно действующий иностранец» в Риме должен отличаться от подобного «иностранца» в Китае или в арабском мире. Таким образом, множественность культур не исчезает в плавильном котле глобализации, но возникает эффект неодинакового несимметричного поведения «агентов глобализации». Однако было бы поспешностью зафиксировать какое бы то ни было соответствие между локальными культурами и глобальными организациями.

В исследовании К. Бартлетта и С. Гошала², посвященного характерным особенностям поведения вышеупомянутых «эффективно действующих иностранцев» или фирм, успешно действующих в современном глобальном пространстве, утвержда-

¹ См.: *Adler N. International Dimension of Organizational Behaviour*. Sought-West Publishing, 1977.

² См.: *Bartlett K., Ghoshal S. Managing Across Borders; The Transnational Solution*. 1989.

ется, что в международном бизнесе происходит существенное изменение парадигмы: от прежней мультинациональной и глобальной предрасположенности к транснациональному стратегическому состоянию, которое позволяет достичь максимальной эффективности в силу чувствительности к различиям стран/рынков. Терминологически четко разделяя понятия мультинациональной (пример — децентрализованное объединение европейских компаний предвоенной эпохи, имевших относительно самостоятельные филиалы, которые довольно быстро реагировали на все изменения на локальных рынках), международной (организации, получившие распространение после 1950 г., ключевая задача — передача технических знаний и опыта в среду, которая была на тот момент менее развитой), глобальной (акцент на эффективность, централизацию и контроль) и транснациональной (новая форма, возникшая как ответ на возрастающую изменчивость международной среды бизнеса) организаций, авторы утверждают, что стратегии, свойственные первым трем типам организаций, в условиях современного состояния мирового рынка уже не могут иметь конкурентного преимущества, так как они «одномерны» и были эффективны до тех пор, пока не возросла «сложность» внешней среды, и лишь четвертая дает возможность достигать многомерных стратегических целей эффективности, реактивности и введения инноваций в быстро меняющемся мире. Достоинства четвертой модели обусловлены сочетанием специализации, дисперсности и независимости от какой-либо одной национальной экономики. Таким образом, силы «глобализации» локализуют свои стратегии в формировании определенного поля, не равного никакому иному. Позже исследования Бартлетта и Гошала не раз перепроверялись (можно привести в качестве примера эмпирические исследования С. Леонга и К. Тана 1993 г.), и было признано, что та социальная форма, о которой говорится в этих исследованиях, скорее является желаемой формой будущего.

Справедливости ради нужно отметить, что есть исследования, представляющие в определенном смысле конкурирующую парадигму. Так Т. Левитт³ доказывает, что проживающие в

³ Levitt T. The Globalization of markets. 1983.

различных странах люди, в сущности, имеют одни и те же потребности и что технологии способствуют гомогенизации человеческих желаний и поведения. Это делает старые, локальные рынки устаревшими. Но Левитт также утверждает, что стратегии стандартизации касаются только лишь «неосязаемых» продуктов (т. е. услуг), «осязаемые» же товары должны быть дифференцированы и индивидуализированы. И в результате он описывает «глобальное» пространство как поле деятельности, конституируемое данным противоречием. К вопросу о «стандартизации» социальных связей (или «продуктов») обратимся чуть позже, однако можно заметить, что эти возражения, по сути, не являются опровержением тех результатов, которые подчеркиваются в упомянутых ранее работах. Они лишний раз проблематизируют поле размышлений о специфике глобальных пространств.

Итак, упомянутыми исследованиями еще раз подтверждается следующая мысль: «глобальные» и «локальные» пространства различаются по своему способу бытия и способу социальных связей, однако они сосуществуют и при этом не поглощают друг друга, а взаимодействуют каким-либо образом, причем это взаимодействие только подчеркивает их различие и определяет их пределы.

Все попытки представить карту глобального мира статичной обречены на неудачу, так же как мы не можем просто расположить на такой карте мозаику, элементы которой являлись бы местоположением для явлений «локального» и «глобального» характера. Такой способ разделения пространств нес бы на себе представление о существовании оппозиции «глобальное/локальное» в виде некоего общего места. Также было бы ошибкой, признав множественность глобальных пространств, пытаться расположить их в соответствии с определенным порядком, придав ему конкретную форму. Динамические процессы разворачивания социальности, присущие и традиционным, локальным пространствам, в глобальном мире ускоряются, порождая тем самым его постоянную изменчивость, которая становится его сущностной чертой. Характер осуществления «глобальных» связей таков, что они одновременно порождают растущую разнородность, которая вынуждает каждый раз «собирать» ее заново. Это собирание не означает объединение.

Если интенция «глобальных» процессов определяется направленностью на «собираение» разнородных пространств, то явления или события глобального масштаба можно определить как порождающиеся усилием различных полей и являющиеся определенным эффектом сопряжения границ.

Чем и как определяется способ бытия различных «глобальных пространств»? Как можно говорить об определенной направленности глобальных процессов и о том, каким образом формируется данная направленность? «Невидимая рука» или чья-то воля? И здесь уместно вспомнить о понятии «экономического» значения в терминологии Левинаса⁴. «Экономика» в его понимании — это направленность и значение, которое может быть выявлено в определенных намерениях и деяниях, способствующих реализации определенного сообщества. Значение внутри культуры, в отрыве от экономического, имело бы симптом украшения. Однозначность «вещи» придает потребность, она же истолковывает реальность как «производство» во вполне определенном направлении. Ценность понимается как цель. Но эта однозначность может оказаться кажущейся. Если предположить, что ценности навязываются, то значит, они «обладают» аутентичным значением-потребностью. Но любая потребность уже истолкована культурой, и привнесенное иное истолкование необязательно отменяет предыдущее, а скорее может дополнить его. Далее, «потребность», если она истолкована вне определенной культуры, вне определенной «местности», будет направляться стратегией минимизации собственного значения, созданием таких «вещей», которые упрощают его до потенциальной «многозначности», обеспечивая возможность привязывания к различным «местностям». Но приводит ли это, с необходимостью, к «универсализации»? Может ли «глобальное значение» мира растворить в себе, или вобрать в себя, «присвоить» множество иных значений, оставив без изменений как «свои», так и «чужие», не придав иного направления-потребности? Или, возможно, эти «потребности» будут фрагментироваться и умножаться, лишней раз подчеркивая невозможность в связи с необходимостью включения в различ-

⁴ См.: Левинас Э. Гуманизм другого человека. СПб., 1998.

ные смысловые пространства и тем самым определяя границы «многозначности»? Таким образом, возникает два силовых вектора — множественные «приспособления» к одному и одному, «приспосабливающееся» к множественности. Соотношения этих сил могут дать направление возможности исследования толерантности как совместности, без тенденции совпадения или поглощения, «местных» и «глобальных» смысловых пространств. И пространство толерантности будет определенной чувствительностью к пространству Другого, определяющей его границы. Если о толерантности говорить, не исходя из перспективы взаимодействия, то именно пространство толерантности будет обеспечивать принципиально иное — сохраняющее и отграничивающее, «глобальное» и «локальное».

Прежде чем перейти к способам выявления специфики моделей толерантности относительно «локальных» и «глобальных» культур в перспективе Другого, обратимся к исследованиям, посвященным истории формирования средств массовой информации глобального масштаба, и рассмотрим способы образования стратегий конституирования полей действия «локального», или «местного», характера с учетом опыта Другого. Во-первых, тем самым мы зафиксируем историческую определенность постановки вопроса о толерантности в мире локальных культур и процессов глобализации. Во-вторых, пример СМИ может быть весьма показательным по той причине, что именно с появлением информационного поля, не знающего национальных границ, во многом связывается формирование глобального мирового пространства, а также потому, что в настоящий момент мы можем говорить и о сложившемся рынке глобальных СМИ, и о развитых формах национальных и региональных СМИ. Мы можем проследить эту смену «правил игры» на информационном поле, связанную с выходом агентов за пределы национальных границ. Способ рассуждения в логике противостояния или противоборства мог соответствовать начальному этапу формирования глобального пространства, когда логика развертывания деятельности компаний, выходящих на мировой рынок, встречала противников, прежде всего в лице национальных (локальных, региональных) компаний. Складывающаяся конкуренция в глобальном пространстве, когда глобальные СМИ видят в качестве конкурентов

подобных себе же «глобальных» противников, существенно меняет дело.

В течение целого исторического периода от изобретения радио до 1960-х гг. существовала, в сущности, всеобщая решимость сохранять контроль над вещанием в пределах национальных границ прежде всего посредством возможности финансирования и создания благоприятных условий. Это было время создания вещательных колоссов, чьей целью (ценностью) было формирование способов национальной идентичности. Можно сказать, что цель американского вещания заключалась в создании однородных Соединенных Штатов из культурно разнородных и даже антагонистических частей. В канадской истории отношений между национальным целым и децентрализованными разнородными частями также прослеживается роль СМИ в создании единого региона⁵.

Целью же глобальных СМИ оказывается формирование разнородных динамических пространств. Появление спутников физически подорвало национальный характер государственного телевидения. Представления о пространстве, времени и расстояниях, ключевых факторах в мире коммуникационных технологий, стали меняться еще быстрее, чем раньше. Сама возможность привязывания СМИ к местным идентичностям, заключавшаяся в национальном господстве над своими СМИ, разрушилась валом американских программ. Марксистский социолог из Калифорнийского университета в Сан-Диего Герберт Шиллер утверждал, что в ослаблении национальных структур СМИ по всему миру, как в Европе, так и в менее развитых регионах, виноват преднамеренный культурный империализм, финансируемый совместно американскими телевизионными производителями и правительством США. Кстати, справедливости ради следует заметить, что самые крупные транснациональные монополии зарождались не в Соединенных Штатах, а в Великобритании или ее бывших колониях. Именно в Англии основал свою гигантскую «Интернэшнл паблишинг корпорейшн», позднее слившуюся с «Рид Интернэшнл», Сесиль Кинг.

⁵ См.: Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. М., 2000.

Путь Роя Томсона на мировой информационный рынок лежал через Англию и Канаду. Наконец, австралиец Руперт Мэрдок тоже прежде всего утвердился в бывшей метрополии и уже оттуда начал наступление на Новый Свет, а затем в Азию. Историки объясняют это тем, что крупнейшая колониальная держава Великобритания имела немалый опыт ведения пропаганды в колониях, тогда как Соединенные Штаты с их долго процветавшим и культивировавшимся изоляционизмом не дали подобных монополий. Дальнейшие исследования показали, что Соединенные Штаты стали «непредумышленным злодеем», сделавшим ставку на перенесение центра тяжести в разработку глобальных СМИ на рыночные силы, что способствовало уменьшению функции политической критики отдельного государства. Возникает новая по отношению к национальным СМИ форма нейтральности, глобализация фактически становится синонимом стремления к деполитизации. От многократно увеличивающегося числа каналов информации возникает эффект, который можно назвать демассификацией массовой информации.

Оставшиеся вещательные предприятия, работающие в основном в традиционных границах, часто приобретает еще более «местный» характер, чем раньше, выигрывая прежде всего как принципиально отличающиеся от глобальных. Упомяну о том, что сейчас ведется множество исследований не в отдельных сферах информации, а там, где они соприкасаются, пересекаются, накладываются одно на другое. И по мнению аналитиков, занимающихся подобными исследованиями, пересечение силовых линий различных средств массовой информации создает эффект синергизма, т. е. потенциал этого симбиоза оказывается выше, чем сумма их потенциалов⁶.

Таким образом, можно сказать, что для глобальных средств массовой информации существенно важно умение резонировать с как можно большим количеством информационных пространств, «глобальных» или «местных», «локальных», не отождествляясь ни с одним из них. Это возможно при условии, ког-

⁶ См.: *Андрунас Е. Ч.* Информационная элита: корпорация и рынок новостей. М., 1991.

да значение какого-либо события будет принципиально лишено «своего места», когда оно не будет укоренено ни в какой «местности». Следовательно, способ бытия «глобальных» пространств заключается в постоянном подрыве определенности, однозначности. Это подразумевает возможность множественного, вариативного развития событий. Различия образуют децентрированную подвижную сетку. И направлением или вектором ее изменений и трансформаций будет поддержание баланса неустойчивости и неопределенности.

В XX в. в различных областях научного знания стали широко использоваться понятия «неопределенность», случайность — в физике, термодинамике, квантовой и волновой механике, медицине, философии, психологии. Довольно сложно дать однозначное определение многозначной неопределенности. И чтобы иметь возможность как-то исследовать это явление, останавливаются на таких его характеристиках, как новизна, сложность, противоречивость и многочисленность возможных результатов. Неопределенность и определенность являются основными понятиями, над которыми надстраиваются модальные понятия — случайность, необходимость и др., и понятие вероятности, позволяющее оперировать с неопределенностью. Эти понятия используются при характеристике сложных, противоречивых и новых ситуаций, длящихся какое-то неопределенное время, в течение которого могут возникать сложности, противоречивости и новые факторы. Р. Брислин понимает под толерантностью к неопределенности способность размышлять над проблемой, даже если не известны все факты и возможные последствия принятого решения⁷.

Можно предположить, что границы неопределенности и образуют границы действия «глобальных» пространств. Исследование динамического аспекта позволяет изучать процесс социальных изменений и трансформаций, анализировать системы общественных ожиданий и предпочтений, прогнозировать стратегии развития и «очаги» активности — источники порождения новых смыслов.

⁷ См.: Луковицкая Е. Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.

Подход, ставший уже одним из ведущих направлений в традиции осмысления толерантности как особого принципа бытия мультикультурного социального пространства, позволяет соотнести символические составляющие локальных культур с символическим пространством глобального мира, а также описать изменения в символической системе локальных пространств, вызванные включением в них значимых смысловых конструкторов глобального пространства.

Итак, возникает проблематика «глобального» пространства как Другого по отношению к различным локальным пространствам, имеющим «место». Соотношение структуры событийности глобальных пространств и пространств современных локальных образований, чувствительность или восприимчивость различных локальных культур к глобалистской проблематике, с учетом различных параметров — экономических, политических, социокультурных и других, позволяет рассмотреть возможные модели отношений с глобальным Другим.

Характер этой чувствительности может быть самым различным. Во-первых, это различные формы при-своения Другого в форме конфликтных отношений с «глобальным» как с «чужим» или даже «враждебным» или принятие в форме «свое-иное», предполагающей принятие или адаптацию глобальных ценностей к ценностям локальных социальных пространств. Эта логика отношений лежит в рамках диалогического подхода, допускается возможность со-существования двух Я, которые при сохранении своей онтологической инаковости способны вступить в диалог и достичь взаимопонимания. Однако Другой при этом вряд ли остается Другим, «при-своить» его себе, о-своить его в терминах своего языка и в своих мыслительных схемах, даже называя «врагом», значит найти ему место в своей классификации мира, растворить его реальность в своем мышлении. Во-вторых, это форма отношений Я — Другой, допускающая некую возможность бытия Другого, но придающая ей характер не-истинности, «неуместности» (эта модель в своей интенции стремится к первой); и, наконец, в-третьих — отношения различных Других. В последнем случае есть установка на взаимное изменение позиций в результате коммуникации с иным — именно это понимание толерантности привлекает особое внимание современных исследователей, так как оно объяс-

няет изменчивость социального мира. Достичь полного взаимопонимания — утопия, но возможен резонанс, при котором всегда сохраняется дистанция.

Если бытие вместе подразумевает не равенство, а различие, существование не есть существование вместе, но интенция Другого. Постулируется принцип различия, положенный в основу отношений. Под сомнение ставится понимание взаимодействия Я и Другого как стремления к тождеству, будучи в постоянном смещении, отношения с Другим не в состоянии принять какое-то фиксированное тождество, Я и Другой не образуют синтетического единства. Неопределенность фиксированный мест позиций в процессе конституирования социальной реальности приводит к признанию их принципиальной двойственности или парадоксальности, которая и может служить в качестве методологического принципа исследования изменчивости социального пространства. Парадокс, лежащий в основе организации поля или сети таких взаимодействий, выступает в виде системы позиций, которые соотносятся друг с другом не по принципу противоречия, а по принципу взаимодополнения. Такой парадокс представляет собой способ несимметричного сосуществования противоположностей, противоречий, не «снимающих» друг друга, а, напротив, поддерживающих отношения, взаимодействия в системе и конституирование событий.

В качестве заключения можно заметить следующее: во-первых, предложенная в данной работе методология исследования возможности определения толерантности посредством введения проблематики Другого продолжает в определенной мере традицию выделения проблемного поля, сформированную посредством диалога в рамках конференций и иных мероприятий Уральского МИОНа⁸. А именно позволяет выявить исторически новые ее модели, соответствующие реалиям современности, продолжая традицию культурно-исторической определенности различных социальных концептов. Данный подход основывается на парадигме конструционистского понимания

⁸ См. статьи: *Кемеров В. Е.* Полисубъектная социальность и проблема толерантности // Толерантность и полисубъектная социальность. Екатеринбург, 2001; *Керимов Т. Х.* Проблемы толерантности и социальная гетерология // Там же.; и др.

толерантности как одного из подвижных социальных концептов, вопреки эссенциалистским подходам, стремящимся выявить единственно «истинное» понимание сущности толерантности. Во-вторых, в соответствии с указанной выше методологией предложен подход к рассмотрению специфики глобальных процессов посредством понимания «глобального пространства» как Другого по отношению к пространствам, характеризующимся как «локальные». В такой перспективе толерантность дает возможность поддержания принципиального несовпадения пространств с различным характером социальных связей и различными способами их осуществления.

Д. В. Котелевский

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ИЗНАНКА СО-ОБЩЕСТВА

Очевидный рост числа работ в области толерантности связан с рядом причин, и среди них не последнее место занимает существенная неопределенность данного понятия и тех концептуальных конструкций, которые это понятие используют. Значительная разногласия в понимании смысла толерантности, с одной стороны, подталкивает исследования в данной области, а с другой стороны — обнаруживает и делает очевидной попытки установить пределы рефлексии над данным понятием. Эти, казалось бы разнонаправленные, векторы осмысления толерантности внутренне связаны друг с другом. Собственно причины возникновения смысловой неопределенности понятия «толерантность», а также вышеуказанная парадоксальность, свойственная исследованиям толерантности, и будут предметом анализа данной статьи.

Различие позиций в интерпретации данного термина в некотором пределе может быть представлено как излишек толерантности к толерантности. Такой излишек является источником возникновения различных трактовок толерантности. В силу действия этого излишка толерантность выводит себя на пре-